

В статье на основе обобщения практики применения законодательства о высшем образовании, в том числе по направлению «Юриспруденция», приводятся и анализируются наиболее явные коллизионные или спорные вопросы, касающиеся правового статуса студентов, а также требований к профессорско-преподавательскому составу, содержанию обучения, государственной итоговой аттестации, материально-технической базе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : высшее образование; статус студента; статус преподавателя; требования к обучению

In the article, on the basis of generalization of the practice of application of legislation on higher education, including the direction of “Law”, the most obvious conflict or controversial issues relating to the legal status of students, requirements for teaching staff, content of training, state final certification are analyzed and analyzed, material and technical base.

К e y w o r d s : higher education; student status; teacher status; learning requirements

Н. Н. Тарусина, А. В. Ивашковская

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@univ.uniya.ac.ru

E-mail: iav@uniya.ac.ru

О высшем образовании: некоторые актуальные аспекты правоприменения (на примере юридического образования)

Научная статья

N. N. Tarusina, A. V. Ivashkovskaya

P. G. Demidov Yaroslavl State University

On higher education: some relevant aspects of law enforcement (on the example of legal education)

Scientific article

Правоотношения в сфере высшего образования, как известно, имеют разнообразную юридическую природу: при доминировании административного законодательства в деле организации образовательного процесса участвуют также нормы трудового и гражданского права, создавая правоприменителям и другим участникам правоотношений, каждые на свой лад и свои технологии, те или иные проблемы.

В нашу задачу не входит и не может входить анализ всего спектра проблемных вопросов: им несть числа. Рассмотрим те из них, которые наиболее явно проявляют себя в нашей практике.

Так, анализ законодательства и практики его применения свидетельствует о том, что некоторые требования, предъявляемые к вузу, являются избыточными. Например, одно из важнейших лицензионных требований – наличие имущественных прав на здания/помещения, в которых реализуется соответствующая основная образовательная программа. Исключение, в частности, сделано относительно

практики – она может проводиться в организациях по профилю (в нашем случае – в органах прокуратуры, судах и т. п.). В то же время посещение судебных заседаний за пределами часов и сроков практики формально является нарушением, так как не относится к категории исключений [1, с. 216]. Следовательно, предусматривать такие мероприятия в рамках реализации рабочей программы учебной дисциплины (уголовный процесс, гражданский процесс и др.) проблематично. Столь же проблематично с формально-юридической точки зрения проводить, например, выездное занятие по магистерскому курсу «Служебные преступления» в помещении прокуратуры – в форме мастер-класса с участием ее работников.

ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обязывает вуз организовать для обучающихся питание (п. 15 ч. 2 ст. 28). В качестве общего правила данное требование разумно, особенно если рядом с учебным корпусом нет пунктов

общественного питания. А если, наоборот, таких пунктов вполне достаточно, причем разнообразной ценовой категории?

Противоречивы, а по некоторым позициям и излишне неопределенны требования к профессорско-преподавательскому составу. Так, профстандарт работников образования не содержит должностного ограничения для чтения лекций, а ЕКС исключает из числа лекторов ассистентов. И наоборот: ЕКС допускает к работе по магистерским программам все категории преподавателей, а профстандарт – только доцентов и профессоров, а по программам аспирантуры – только профессоров. Еще одна коллизия, содержащаяся в этих документах и создающая для работодателя неопределенность при приеме на работу, – разные требования к стажу работы для претендента на ассистентскую должность: ЕКС требует не менее одного года работы в образовательном учреждении, а профстандарт такого входного требования не предусматривает. Неизбежна дискуссия по вопросу разрешения данных коллизий, причем с единственным надежным результатом – выполнять все совокупные требования по максимуму.

И ЕКС, и профстандарт требуют от преподавателей, дифференцированно по должности, участия в учебно-методической, научно-исследовательской и других видах работ, сопровождающих прямо или косвенно образовательный процесс. Однако вводить конкретные показатели при осуществлении конкурсного отбора на должность вуз не может. В то же время ФГОС такие лимиты предусматривает – в целом по образовательной программе или даже индивидуально для ряда категорий научно-педагогических работников. Например, профессора – руководители профильной магистерской программы – должны ежегодно участвовать в научно-исследовательских проектах/грантах, международных и национальных конференциях (отдельное недоумение относительно термина «национальный»), иметь публикации в научных журналах перечня ВАК (не менее двух в год).

Разумеется, можно использовать для обеспечения подобных требований конструкцию «эффективный контракт». Однако, во-первых, она не решает всей совокупности задач, стоящих перед вузом, особенно в части реализации основного вида его уставной деятельности – образовательной: во все времена были (и, соответственно, есть и будут) преподаватели «от бога», которые не ведут активную с формальной точки зрения методическую

и научно-исследовательскую работу. Во-вторых, как показывает практика, среди показателей есть немало весьма спорных. Особенно много нареканий вызывают ориентиры на публикации в журналах, включенных в международные базы данных (WOS, Scopus и т. п.). Например, юриспруденция – область деятельности, в том числе научной, преимущественно национального типа. Кроме того, политизированность современного общества также отнюдь не предполагает большого интереса к отраслевым изысканиям ученых-юристов. А даже если интерес, в принципе, может быть проявлен, он, скорее всего, будет сопровождаться цензурными условиями. Например, статья сравнительно-правового характера, посвященная институту брака, не будет опубликована, если в ней дается критический анализ проблеме однополых брачных союзов и основанного на них однополого родительства. Смеем предположить, что критика ряда решений Европейского суда по правам человека, в содержании которых имеется коллизия с конституционными положениями и/или политические составляющие, также не заинтересует издания указанных международных баз. И т. п.

Не вполне соответствующими духу закона являются некоторые положения об образовательном статусе детей-сирот и детей, получающих пособие по случаю потери одного из кормильцев. С одной стороны, льготная квота на внеконкурсное зачисление действует как для очной, так и для очно-заочной/заочной форм обучения. С другой – выплата соответствующего пособия при поступлении на указанные альтернативные формы прекращается (при этом не выплачивается и стипендия). В этой связи практике известны случаи предпочтения опекуном сироты внебюджетной очной формы обучения – на договорной основе, так как годовая сумма по договору оказывалась меньше суммы сохраненного пособия. Впрочем, «на десерт», опекун обнаруживал впоследствии, что «внебюджетным студентам» не гарантируется общежитие.

Как известно, в настоящее время алиментные обязательства родителей прекращаются по достижении детьми совершеннолетия, несмотря на продолжение ими обучения, в том числе даже и в очной форме. Аналогии с пролонгацией на период обучения соответствующих социальных пособий законодателем для алиментных обязательств не предусмотрено. Тем не менее в доктрине высказаны на этот счет предложения по изменению норм ст. 85 Семейного кодекса РФ (для граждан до 23 лет, обу-

чающихся на бюджетной основе в очной форме) [2, с.118]. Надеемся на их реализацию.

Не все очевидно и с организацией внебюджетного обучения. Так, поскольку гражданско-правовой договор об оказании платных образовательных услуг имеет, кроме всего прочего, социальную направленность, возникают различного рода коллизии. Например, в письме Минобрнауки России от 30.03.2016 г. АП-465/18 о формировании стоимости образовательных услуг, с одной стороны, содержались рекомендации по вопросу о механизме увеличения стоимости на величину (или с учетом) уровня инфляции, с другой – предлагалось вузам оформлять это решение дополнительным соглашением с заказчиком, а при отказе последнего – обращаться в суд. Подобный подход учредителя весьма «взбодрил» образовательные организации... Между тем, как показал последующий анализ ситуации, предложенное решение не в полной мере соответствовало законодательству, практике его применения в сходных ситуациях и, разумеется, совершенно не учитывало интересы вуза, предоставляющего услуги по основным образовательным программам, игнорировало гражданско-правовую сущность договора, необоснованно преувеличивая его социальный контент [3, с. 115–127]. Цивилисты совершенно справедливо квалифицировали данный вариант развития образовательного правоотношения не как изменение гражданско-правового договора, а как реализацию одного из условий, этим договором предусмотренного, то есть условия об индексации [3, с. 117]. Следовательно, вуз вправе ограничиться уведомительным порядком об индексации.

Законодательством предусмотрена возможность перевода студента с внебюджетной формы обучения на бюджетную – при наличии вакансий. Основания перевода и критерии конкурсного отбора (при наличии нескольких претендентов на одно место), казалось бы, довольно очевидны: сиротство, инвалидность; учеба без «троек». Однако, во-первых, для студентов первого курса введено дополнительное ограничение: перевод осуществляется только по окончании двух семестров. Если учесть, что среди кандидатов может оказаться сирота/инвалид, то подобное ограничение явно негуманно – для учащихся данной категории следовало бы ограничение снять. Во-вторых, при абсолютном равенстве результатов обучения приходится прибегать к дополнительным характеристикам (участие в общественной жизни, научно-исследовательской

работе, волонтерском движении и т. п.), а они, в свою очередь, требуют скрупулезной детализации, во-первых, с точки зрения определения понятия каждой из этих дополнительно учитываемых активностей, а во-вторых, с точки зрения очередности учета этих активностей, их «веса» в общем портфолио студента. И все это – в отсутствие внятных рекомендаций учредителя.

Неопределенностью отличаются и нормы об отчислении студентов по инициативе вуза. Так, в доктрине высказывается предложение о неприменении к правонарушениям обучающегося конструкции дисциплинарного проступка, так как она обслуживает (должна обслуживать) только трудовые правоотношения. Соответственно рекомендуется объединить все варианты недобросовестного поведения в несколько групп. Первая предполагает диспозитивный подход к решению о правовых последствиях нарушений – двумя подвидами последних: отчисление 1) за неисполнение или нарушение локальных актов вуза; 2) за невыполнение обязанностей по добросовестному освоению профессиональной образовательной программы. Вторая строится на императиве, имеются в виду два типа негативного виновного поведения: 1) нарушение порядка приема в вуз, повлекшее незаконное зачисление; 2) неликвидация в установленные сроки академической задолженности [4, с. 125–126].

Следует заметить, что как действующие основания отчисления по инициативе образовательной организации, так и уточненные к изменению, во-первых, нуждаются в тщательно конкретизированных в этом плане локальных нормативно-правовых актах, во-вторых, в некоторой детализации со стороны учредителя, ибо невыполнение требований образовательной программы на практике толкуется и применяется преимущественно в контексте академической задолженности. Например, отчисление студента за систематическое отсутствие на занятиях, а следовательно, и за невыполнение им контрольных работ, рефератов, заданий по решению юридических казусов и т. п. весьма затруднено. В частности, локальными актами нередко устанавливаются сроки систематического отсутствия (месяц). Студент же, информированный о данном условии, может 1-2 раза явиться на занятия в пределах месяца, то есть, образно говоря, издевательски прервать течение срока. Полагаем, что необходимо вводить и другие, альтернативные, предпосылки. Например, предусмотреть

возможность отчисления за невыполнение программы на основании «негативного анамнеза»: 1) преподаватели в течение семестра (возможно, и предыдущих) представляли в деканат служебные записки не только о «прогулах» занятий, но и об отрицательных результатах аттестации, о невыполнении обязательных видов работ, предусмотренных рабочей программой учебной дисциплины; 2) пропуски осуществлялись не непрерывно в течение определенного срока, но в итоге составили более 50 % учебных занятий (лекций и практикумов или, как вариант, только последних).

Весьма непросто складывается реализация нормативов государственной итоговой аттестации. Во-первых, требование об обеспечении в рамках ГИА проверки освоения выпускниками всех компетенций (не вытекающее непосредственно из содержания ФГОС бакалавриата по юриспруденции, но сформировавшееся в рамках надзорного правоприменения), в том числе компетенций в области физической культуры, безопасности жизнедеятельности, владения иностранным языком, явно избыточно. Хотя последнюю из указанных компетенций можно проверить с помощью правила об обязательности использования при подготовке выпускной квалификационной работы источников на иностранном языке – первые две такому простому решению не подлежат (включать же вопросы о физкультуре и спорте и безопасности жизнедеятельности в билеты госэкзамена как-то анекдотично...). При этом следует заметить, что ФГОС магистратуры по юриспруденции (единственный, правда, не подвергшийся модернизации) обязывает к проверке в рамках ГИА только двух ключевых профессиональных компетенций – в сфере правотворчества и правоприменения [5]. Практика также показывает, что в перечень вопросов вузы включают отнюдь не все даже базовые юридические дисциплины. В этой ситуации фиксировать в нем проблематику за пределами юриспруденции – непродуктивно и глумливо.

Волею учредителя весьма затруднено формирование состава государственных экзаменационных комиссий. Во-первых, ужесточено требование относительно ее руководства: исключен институт заместителей, следовательно, при командировке или больничном председателя работа комиссии должна быть прекращена – при ограниченной возможности сроков переноса экзамена и защиты ВКР. Ну, а самый печальный случай утраты комиссией

своего председателя делает ГИА вообще невозможной: порядок проведения аттестации предусматривает только одну возможность утверждения председателя – не позднее 31 декабря года, предшествующего году проведения ГИА. И никаких вариантов на случай форс-мажора. В такой ситуации даже перенос аттестационных мероприятий в пределах одного календарного года – срока действия комиссии – невозможен. А «выход» в следующий календарный год приводит к несоблюдению срока реализации образовательной программы.

Во-вторых, не допускается создание отдельных комиссий для экзамена и защиты ВКР. С учетом традиционно больших выпусков молодых юристов (по 150–180 чел.) это создает серьезные трудности при выполнении требования о 50 % представителей работодателей в составе комиссии: являясь ведущими специалистами в своей области, они, как правило, имеют напряженный трудовой график [5]. Создается впечатление, что изобретатели данных правил не имеют опыта работы в «образовательных полях».

Ссылки

1. Черкасов К. В., Лапина Е. Б. Образовательная деятельность в современной России: к вопросу о правовых барьерах и ограничениях // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 215–221.
2. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования. М.: Статут, 2018. 207 с.
3. Чуваков В. Б. Гражданско-правовая природа и социальная направленность договора об оказании платных образовательных услуг в контексте механизма увеличения стоимости с учетом уровня инфляции // Социально-юридическая тетрадь. 2016. № 6. С. 114–128.
4. Малеева М. Н. Досрочное прекращение образовательных отношений по инициативе вуза (природа санкции, основания применения, порядок осуществления) // Lex Russica. 2018. № 5. С. 117–127.
5. Тарусина Н. Н. Государственная итоговая аттестация по направлению «Юриспруденция»: пределы разумного, необходимого и достаточного // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: материалы XIII научно-методической конференции с международным участием / Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2018. С. 63–64.